

УДК 821.161.1

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-0-16-20

С.В. ШЕШУНОВА,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистики
Государственного университета «Дубна» (Российская Федерация)*

СВОЕОБРАЗИЕ ТУРЕЦКОЙ ТЕМЫ В ПРОЗЕ И.С. ШМЕЛЕВА

В статье анализируется специфика осмысления турецкой культуры в произведениях И.С. Шмелева. На материале рассказов «Гассан и его Джедди» (1906), «Солдат Кузьма» (1915), «Трапезондский коньяк» (1938), романах «История любовная» (1927), «Няня из Москвы» (1933), повести «Под горами» (1910) исследуется актуализация писателем военной, религиозной, семейно-бытовой, любовной тематики.

Россия находилась в состоянии войны с Турцией чаще, чем с какими-то другими странами. За XVIII и XIX вв. она потеряла в турецких войнах не менее 740 тыс. человек, поэтому вполне закономерно, что в ее художественном сознании сложился негативный образ Турции, на что неоднократно указывали исследователи, акцентируя в русской литературе восприятие Турции как врага и враждебность русского народа по отношению к традициям, обычаям и образу жизни турков.

В произведениях И.С. Шмелева турецкая тема раскрывается в постижении русским человеком турецкой культуры. Взгляд писателя становится более объективным, охватывая как суеверные представления русского народа о турках как о темной силе, так и попытки освоить иной мир, сопоставить его с русской действительностью. В этом аспекте актуализируется оппозиция «свое» / «чужое», но уже без традиционной враждебности. Так, в осмыслении военной тематики писателем акцентируется уважение к военному искусству врага, отсутствие неприязни друг к другу у русских и турецких солдат; затрагивая религиозную тему, И.С. Шмелев показывает Турцию глазами человека мусульманской культуры – крымского татарина, для которого Турция воплощает мечту о праведной земле, где царит справедливость.

Исследование турецкой темы в прозе писателя позволяет прийти к выводу о том, что среди многочисленных героев И.С. Шмелева, вступающих во взаимоотношения с турками, только два эпизодических персонажа воспринимают их как враждебную силу. В подавляющем большинстве случаев, по контрасту с литературной традицией, отношения русских с турками развиваются в художественном мире Шмелева доброжелательно, а подчас даже идиллически. В рассказах «Солдат Кузьма» и «Трапезондский коньяк» этот идиллический характер отношений наблюдается даже между военными противниками. Ошибки в интерпретации поведения человека иной культуры в произведениях писателя не только не приводят к межнациональным или межрелигиозным конфликтам, но подчас даже содействуют успеху русско-турецкой межкультурной коммуникации. Таким образом, своеобразие турецкой темы в прозе Шмелева являет собой наглядный пример разрушения традиции и преодоления многовекового восприятия соседа как врага.

Ключевые слова: проза И.С. Шмелева, турецкая культура, военная тематика, религиозная тематика, семейно-бытовая тематика, межкультурная коммуникация.

У статті аналізується специфіка осмислення турецької культури у творах І.С. Шмелєва. На матеріалі оповідань «Гассан та його Джедді» (1906), «Солдат Кузьма» (1915), «Трапезондський коньяк» (1938), романів «Любовна історія» (1927), «Няня з Москви» (1933), повісті «Під горами» (1910) досліджується актуалізація письменником військової, релігійної, сімейно-побутової, любовної тематики.

Росія перебувала у стані війни з Туреччиною частіше, ніж з будь-якими іншими країнами. За XVIII та XIX ст. вона втратила у турецьких війнах не менш ніж 740 тис. осіб, тому цілком закономірно, що в її художній свідомості склався негативний образ Туреччини, що неодноразово зазначали дослідники, наголошуючи на сприйнятті в російській літературі Туреччини як ворога і на ворожості російського народу до традицій, звичаїв та образу життя турків.

У творах І.С. Шмелюва турецька тема розкривається в осягненні російською людиною турецької культури. Погляд письменника стає більш об'єктивним, охоплюючи як забобонні уявлення російського народу про турків як про темну силу, так і спроби освоїти новий світ, зіставити його з російською дійсністю. У цьому аспекті актуалізується опозиція «своє» / «чуже», але вже без традиційної ворожості. Так, в осмисленні воєнної тематики письменник наголошує на повазі до військового мистецтва ворога, відсутності неприязні один до одного у російських та турецьких солдат; торкаючись релігійної теми, І.С. Шмелюв показує Туреччину очима людини мусульманської культури – кримського татарина, для якого Туреччина втілює мрію про праведну землю, де царює справедливість.

Дослідження турецької теми у прозі письменника дозволяє дійти висновку про те, що серед численних героїв І.С. Шмелюва, що вступають у взаємостосунки з турками, тільки два епізодичних персонажі сприймають їх як ворожу силу. У більшості випадків, за контрастом з літературною традицією, стосунки росіян з турками розвиваються у художньому світі Шмелюва доброзичливо, а часом навіть ідилічно. В оповіданнях «Солдат Кузьма» та «Трапезондський коньяк» цей ідилічний характер стосунків спостерігається навіть між військовими противниками. Помилки в інтерпретації поведінки людини іншої культури у творах письменника не тільки не приводять до міжнаціональних або міжрелігійних конфліктів, але часом навіть сприяють успіху російсько-турецької міжкультурної комунікації. Таким чином, своєрідність втілення турецької теми у прозі Шмелюва є наочним прикладом руйнування традиції та подолання багатовікового сприйняття сусіда як ворога.

Ключові слова: проза І.С. Шмелюва, турецька культура, воєнна тематика, релігійна тематика, сімейно-побутова тематика, міжкультурна комунікація.

Имя И.С. Шмелева (1873–1950) не упоминается в работах, посвященных образу Турции (и шире – мусульманского мира) в русской литературе [1; 2; 3]. Между тем в сочинениях этого писателя, созданных на протяжении десятилетий как на родине, так и в эмиграции, не раз появляются персонажи-турки, а в ряде эпизодов действие происходит в Стамбуле или глухой турецкой провинции. Как будет показано ниже, их изображение во многом противостоит традиции, сложившейся в русской литературе.

Россия находилась в состоянии войны с Турцией чаще, чем с какими-то другими странами – в 1632–1641, 1674, 1676–1678, 1711, 1736–1739, 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1827, 1828–1829, 1853–1856, 1877–1878 и 1914–1918 гг.; за XVIII и XIX ст она потеряла в турецких войнах не менее 740 тыс. человек [4, с. 42]. Закономерно, что в ее литературе сложился негативный образ Турции; Е.А. Ростовцев и И.В. Сидорчук показали это на материале многочисленных произведений, совершенно разных по времени создания и идеологии [2, с. 217]. По словам названных исследователей, «восприятие Турции как государства-врага распространяется и на отношение русского народа к туркам, их традициям, образу жизни и пр. Турка русский человек способен воспринимать только как врага на поле брани <...>. Само слово “турок” стало синонимом “коварного жестокого врага” <...>. Литературные образы второй половины XX века здесь не слишком ушли от времени М. Лермонтова» [2, с. 219].

В прозе Шмелева наблюдается совершенно иная картина. В его изображении военное противоборство с турками не включает в себя негативных эмоций по отношению к ним. Это касается как войны 1887–1888 гг., в которой участвует главный герой рассказа «Солдат Кузьма» (1915), так и кампании 1916 г., показанной в рассказе «Трапезондский коньяк» (1938). Кузьма, вернувшийся с театра военных действий, отвечает на вопрос, не приходилось ли ему там беседовать с каким-нибудь турком: «Не случилось. А коль бы случилось, отчего не поговорить. Как под Плевной мы стояли, – крикнешь, бывало: “Эй, ты! здравствуй, Осман-паша!”, а он сейчас и отзовется: “Сала маленько!”. По-ихнему значит – здравствуй! А то – “кошке алтын!” – кричит. Значит, как вы поживаете, и всякая штука. Ничего, народ хороший» [5, с. 239]. Как видно, желание Кузьмы осмыслить иноязычную речь приводит к искажению услышанных реплик, порождая примеры так называемой народной, или ложной, этимологии. Примечателен, однако, его вывод из наблюдений над военным врагом: «народ хороший». Кузьма носит в себе турецкую пулю, что не мешает ему отзываться о противнике вполне доброжелательно: «С туркой, брат, не шути! <...> Он мастер драться. Драться с ним – одно удовольствие!» [5, с. 239].

Уважение к военному искусству врага высказывает и рассказчик-офицер в «Трапезондском коньяке», где изображается противостояние с Турцией в ходе Первой мировой

войны: «турки отличные вояки» [6, с. 225]. В свою очередь, турки, побывавшие в боях с русскими, также не испытывают к противнику враждебных чувств. В только что упомянутом рассказе Мамут, вернувшийся с фронта и страдающий от полученной там раны, без возражений отдает дочь в жены незнакомому русскому офицеру; вчерашнего солдата не беспокоит, что его ребенок, беззащитная девушка, переходит во власть иноземца, иноверца и врага, с которым ее родина продолжает вести войну. Односельчане Мамута, мулла и «старшина безрукий» (видимо, тоже искалеченный на войне), заявляют: «...мы русских любим, обиды нам от них не было» [6, с. 228]. В романе «Няня из Москвы» (1933) доброжелательный к эмигрантам старик-турок помог Кате уберечься в Стамбуле от попадания в «приютон развратный» [6, с. 124] благодаря тому, что освоил азы русского языка на предыдущей войне с Россией: «По-нашему сказать мог, старинный солдат был» [6, с. 124].

По словам Е.А. Ростовцева и И.В. Сидорчука, в русской литературе Турция предстает как «абсолютно чужая страна, все ее дикие нравы русским непонятны и неприятны <...>. Турки воспринимаются как невежественные, жестокие, коварные дикари с *абсолютно* иной культурой» [2, с. 219]. К Шмелеву такое заключение неприменимо. Правда, и в его произведениях турецкие реалии могут изображаться как непонятные – например, при описании брачного обряда в «Трапезондском коньяке»: «Мулла <...> поднял руки, полопотал... <...> наставили на бумажке палочек, мулла каракули разыграл винтами» [6, с. 230]. В том же рассказе упоминается «мулла, зеленая чалма, – три раза, значит, в Мекку ходил» [6, с. 228]; по мусульманской традиции, для получения права носить зеленую чалму достаточно совершить паломничество (хадж) в Мекку один раз [7, с. 402]. Рассказчица «Няни из Москвы» наивно полагает, что турки «месяцу... молятся» [6, с. 125].

Однако в этих произведениях восприятие турецкой жизни как малопонятной оборачивается не враждебностью к ней, а попытками освоить ее, проводя аналогии с русской действительностью: турецкие крестьяне именуются «анатолийскими мужиками» [6, с. 225], красавицу-турчанку русский солдат восхищенно называет «репкой» [6, с. 229], минареты уподоблены русским колокольням: «Глядим, а на море, чисто на облаках, башенки белые стоят, колоколенки словно наши, – Костинтинополь в тумане светится. А это мечети ихние, с месяцами все» [6, с. 121]. Однако само слово «минарет» рассказчица «Няни из Москвы», как видим, не употребляет, именуя этот элемент исламской архитектуры «башенками». В рассказе «Гассан и его Джедди» (1906) автор также по возможности избегает слов, связанных со спецификой мусульманской культуры, заменяя их синонимами: Гассан и Джедди «творили молитву» [8, с. 5], а не «совершали намаз»; Джедди – «маленькая фея» [8, с. 17], а не «пери».

Правда, в «Няне из Москвы» есть и описания турецкой жизни как враждебной, отталкивающей: «Жарынь, духота, двор вонючий, турецкой, <...> и мух этих... терпенья нет, как жилили, – турецкие, что ль, злющие такие» [6, с. 138]. Но это, пожалуй, единственный случай, когда слово «турецкий» употребляется как контекстуальный синоним эпитетов «дурной», «враждебный». В том же романе няня Дарья Степановна повествует о своей работе в турецком доме с большой теплотой, и детали местного быта предстают здесь вполне привлекательными: «Турочка молоденькая полюбила меня, оставляла жить у них. <...> Уж они меня сладостями кормили... <...> чего только душенька желает. И всяк день пироги с бараниной, на сале жарили, и рис миндальный, и... – ублажали, прямо. И жалованья прибавляли, так ценили. И турочки махонькие меня не отпускали, плакали» [6, с. 79]. Дарья Степановна не знает турецкого языка, но уверена, что маленькие турки понимают ее речь: «И сказки им сказывала, всё они разумели» [6, с. 79]. Для сравнения, в приведенном выше диалоге русского и турецкого солдат («Солдат Кузьма») собеседники также общаются на разных языках, однако рассказчик убежден, что они понимают друг друга, и вполне доволен таким уровнем вербального общения.

В прозе Шмелева присутствуют и попытки показать Турцию глазами человека мусульманской культуры – крымского татарина. Для Мустафы в повести «Под горами» (1910) Турция воплощает мечту о праведной земле, где царит справедливость: «Там, где стоит солнце в полдень, за далекой водой лежат земли великого султана, да навострит Аллах саблю его! <...> И всех покрывает там Аллах милостью своею и пророк мантиею своею» [10, с. 171]; «...лежит правда там и закон» [10, с. 195]. В «Солнце мертвых» (1923) татары, нарав-

не с другими жителями Крыма страдающие от голода и красного террора, также с надеждой смотрят на турецкий берег, ожидая основателя современного турецкого государства, Мустафу Кемалю Ататюрка (1881–1938) в роли спасителя от большевиков: «Кемал-Паша! Крым идет... пылымот стрылял, балшевик тикал! Хлэб будит, чурэк-чебурэк... баряшка будыт... Балшой чилавэк Кемал-Паша! Наш будыт...» [11, с. 465]. В реальности в описанное время Кемаль не только не собирался воевать с большевиками и забирать у них Крым, но и заключил с ними «договор о дружбе и братстве» («Московский договор» 16 марта 1921 года), предусматривавший соглашение о безвозмездной финансовой помощи Турции со стороны советского правительства. Однако повествователь не корректирует и не комментирует описанные выше ожидания. Действия исторического лица приобретают в «Солнце мертвых» гиперболический, полусказочный характер: «Кемаль-Паша воюет со всеми народами на свете: побил и греков, и англичан, и французов, и итальянцев, – всех побил – потопил в славном турецком море» [11, с. 465].

В прозе Шмелева турки выступают как угрожающая, темная сила лишь в сознании некоторых персонажей – малообразованных пожилых женщин. В романе «История любовная» (1927) такая женщина предполагает, что на Кавказе страшно, потому что «турки там с пиками на горах сидят» [12, с. 66]. В «Солдате Кузьме» московская старушка Полугариха повествует о своем паломничестве в Иерусалим, который в изображаемое время находился под властью Османской империи; по ее словам, даже внешний облик турок воплощает опасность близкой гибели: «А у каждого-то длинная-предлинная сабля. Захочет – сейчас голову и отрубит» [5, с. 230]. Монолог Полугарихи имеет мифопоэтическую основу: «Страшно станет, как примется она рассказывать. <...> Лезла она на сорокаверстную гору, – все обязательно на нее должны влезть, а то турки ко Гробу Господню не допустят, – чуть жива осталась: сидит там на маковке громаднейший султан-турок с пикой и все норовит пикой этой спихнуть в тартарары. <...> ...обошла я турку того страшного постом и молитвой. И есть там вода – кипятко, из каменной горы льется. Рыбку можно варить, кто не знает. А вода-то та из преисподней у них текет, из ада! А они-то все заманивают – рыбку свари, поешь! И кидали они меня, турки окаянные, в океян-черно-море с высокого корабля, душу хотели загубить» [5, с. 229]. Почти через двадцать лет этот монолог Полугарихи, как и сам ее образ, с некоторыми изменениями были перенесены Шмелевым в «Лето Господне» (1933; глава «Обед для разных»), где упоминается, что один глаз ей «выхлестнули за веру турки», которых она прямо именует «демонами» [13, с. 113].

По утверждению исследователей, в посвященной Турции литературе «резко отрицательным показано отношение русского народа к мусульманству. Именно религия являлась и является основой культурных разногласий» [2, с. 220]. Применительно к приведенному выше полуфольклорному рассказу Полугарихи это действительно так. Но в других произведениях Шмелева восприятие религиозных различий между русскими и турецкими персонажами рисуется идиллическим. В «Няне из Москвы» рассказчицей выступает такая же неграмотная московская старушка, как Полугариха, однако никакой демонизации турок в ее повествовании нет. Рассказывая о своей работе в стамбульской семье, Дарья Степановна употребляет по отношению к своим работодателям наименование «нехристи», однако оно не является для нее оценочным, а разница вер не влияет на ее общение с детьми: «И сказки им сказывала, всё они разумели. Спать уложу, покрещу, они и спят спокойно» [6, с. 79]. Гассан, услышав от рассказчика историю Христа, тут же решает: «Гассан будет любить Христа» [8, с. 25]. Оставаясь мусульманином, этот персонаж в дальнейшем действительно ведет себя как человек, сознательно следующий за Христом: прощает врага, отнявшего у него самое дорогое; спасает утопающих, отдает свою жизнь для избавления людей от смерти. «Не отказываясь от своей веры, Гассан сердцем принимает Христа, утешившего его и вселившего надежду» [14, с. 324].

Особенно значим в аспекте данной темы «Трапезондский коньяк», где рассказчик становится свидетелем внезапной женитьбы своего фронтowego друга, штабс-капитана Сергея Грача, на незнакомой ему турчанке. Во время бракосочетания, совершенного по мусульманскому обряду, жених был настолько пьян, что не осознавал происходящего; проспавшись, он видит в своей прифронтовой мазанке прекрасную девушку. «Рукой так, на нее – “ты кто?” А та... Господи, что за жест! – по лицу его, нежно так... – фантазмагория! без слов

понятно: “я, мол, жена твоя”. Так вот именно и сказала ручка. И, верите, ни страха, ни... ну, ничего, как надо. Это у них от века, как дыханье, как бы служение» [6, с. 231]. Последующий обмен репликами лишь подтверждает то, что уже сказано без слов: «Он тогда, по-турецки – “ты кто... как ты сюда попала?” А она ему, кротко-нежно, и голосок – серебро живое – буль-буль – соловей по-ихнему: “жена твоя, господин”» [6, с. 231–232].

Вопреки турецкому обычаю, перед началом бракосочетания Сергею по требованию его вестового показывают лицо невесты: «Канальчук Мамуту мигнул – показывай товар. Мамут фату откинул – извольте глядеть. У них это не полагается, до свадьбы, а тут старшина велел и мулла ничего, подакал. Ну, красота-а..! А Грач воззрился под потолок, не смотрит. Так всем понравилось, что закон хорошо блюдет. <...> ...смотрит под потолок, – “ну, так-то чинно, лучше нельзя, прилично”. А это на него так трапезонд оказывал – полное истуканство» [6, с. 230]. Как видно, турки используют информацию о причинных связях, априорную для своей культуры: они полагают, что жених не смотрит на невесту, соблюдая положенный порядок. Тем самым они совершают так называемую ошибку иллюзорных корреляций [9, с. 210]: в реальности Грач смотрит «под потолок» лишь под действием большой дозы алкоголя. Однако поведение русского офицера удачно совпадает с турецким обычаем, что усиливает идиллическую тональность эпизода.

Героиня «Трапезондского коньяка» легко принимает религию мужа и быстро осваивается в новой культурной среде: «В феврале... Грач писал из Тифлиса, что Дзюльма учится, уже порядочно говорит по-русски, и батюшка готовит ее креститься. В апреле писал, что Дзюльма необыкновенная, все от нее в восторге, ее уже окрестили, и теперь она – Оленька, и скоро свадьба, мать не нарадуется: Оля – вся – грация, нежность, кротость, чуткость и чистота» [6, с. 233]. Примечательно, что в крещении Дзюльма получает самое дорогое для писателя женское имя: за два года до создания рассказа Шмелев потерял жену Ольгу Александровну, с которой прожил в любви и согласии около сорока лет.

По словам Л.И. Еременко и Г.И. Карповой, в образе Дзюльмы проступает нежная, кроткая, чистая сердцем, «светлокожая» возлюбленная лирического героя газелей Саади и «целомудренная, чистая, благородная и богобоязненная» Шахразада [15, с. 65]. При этом турчанка, в глазах которой рассказчику видится «её небо, её душа» [6, с. 232], противопоставлена прежнему увлечению Сергея – «самой современной» русской барышне «с истерической истомой» [6, с. 226]. По контрасту с бывшей возлюбленной героя, Дзюльма – дитя земли, в которой живут «девичьи люди, как тысячу лет назад» [6, с. 225]; по ощущению рассказчика, она несет в себе «извечно-женское, созданное в тысячелетиях» [6, с. 232].

Дзюльма относится к характерному для писателя типу женских персонажей, которому Е.А. Коршунова дала определение «шмелевская девушка» [16, с. 136–153]: это женщины-девочки, нежные и кроткие; они пленяют окружающих своей целомудренной прелестью, чистотой, внутренним светом и всегда обречены на трагическую, часто короткую жизнь. Даже в самые счастливые для Дзюльмы дни повествователю чудится в ее глазах «отсвет какой-то обреченности» [6, с. 233]. Финал подтверждает это ощущение. «Трапезондский коньяк» завершается словами рассказчика о том, что после захвата города большевиками судьба штабс-капитана и его молодой жены неизвестна; между тем Шмелев на опыте собственной семьи знал, какая участь, скорее всего, постигла героя. По убеждению повествователя, «если нет Грача на земле, то нет и его Оли-Дзюльмы: такие не переживают любимого» [6, с. 234]. Погибает в России и Джемди – «маленькая красавица Востока, <...> олицетворяющая беззащитность красоты» [14, с. 325]. Однако и в том, и в другом случае смерть юной турчанки (в «Гассане и его Джемди» – бесспорная, в «Трапезондском коньяке» – лишь предполагаемая) не определяется ее национальностью, то есть не является следствием русско-турецкого конфликта.

Итак, среди многочисленных героев писателя, вступающих во взаимоотношения с турками, только два эпизодических персонажа воспринимают их как враждебную силу, а демонизирует их лишь старушка, в сознании которой смешивается «и правда, и сказка» [5, с. 230]. В подавляющем большинстве случаев, по контрасту с литературной традицией, отношения русских с турками развиваются в художественном мире Шмелева доброжелательно, а подчас даже идиллически. В рассказах «Солдат Кузьма» и «Трапезондский коньяк» этот идиллический характер отношений наблюдается даже между военными противниками. Ошибки в атрибуции, то есть в интерпретации поведения человека иной куль-

туры [9, с. 206], в произведениях писателя не только не приводят к межнациональным или межрелигиозным конфликтам, но подчас даже содействуют успеху русско-турецкой межкультурной коммуникации. Таким образом, своеобразие турецкой темы в прозе Шмелева являет собой наглядный пример преодоления многовекового восприятия соседа как врага.

Список использованных источников

1. Ермаков И. Ислам в русской литературе XV–XX вв. / И. Ермаков. – М.: Компания Спутник+, 2000. – 184 с.
2. Ростовцев Е.А. Образ Турции и турок в текстах русской художественной литературы XIX–XX веков в контексте формирования современной исторической памяти россиян / Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 1 (191). – С. 215.–223.
3. Джошкун Ж.З. К вопросу об исследованиях ориенталистских образов Турции в русской литературе и культуре XIX–XX вв. / Ж.З. Джошкун // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 10–2. – С. 130–133.
4. Волков С.В. Почему РФ – еще не Россия / С.В. Волков. – М.: Вече, 2010. – 352 с.
5. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 8 (доп.): Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки. – 608 с.
6. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1998. – Т. 3. Рождество в Москве: Роман. Рассказы. – 352 с.
7. Ислам классический: энциклопедия / под ред К. Королева. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 416 с.
8. Шмелев И.С. Гассан и его Джедди / И.С. Шмелев. – М.: Издание редакции журнала «Юная Россия», 1917. – 33 с.
9. Грушевицкая Т.Г. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2002. – 352 с.
10. Шмелев И.С. Под горами / И.С. Шмелев // Рассказы: в 2 т. – СПб.: Издательство товарищества писателей, 1912. – Т. 2. – С. 159–266.
11. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1998. – Т. 1. Солнце мертвых: Повести. Рассказы. Эпопея. – 640 с.
12. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1999. – Т. 6 (доп.). История любовная: Романы. Рассказы. – 512 с.
13. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т. / И.С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1998. – Т. 4. Богомолье: Романы. Рассказы. – 560 с.
14. Ляпаева Л.В. Мифопоэтика рассказа И.С. Шмелева «Гассан и его Джедди» / Л.В. Ляпаева // И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство): материалы международных научных конференций «Шмелевские чтения 2011 и 2013 гг.». – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – С. 323–326.
15. Еременко Л.И. Поэтика рассказов И.С. Шмелева / Л.И. Еременко, Г.И. Карпова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 104 с.
16. Коршунова Е.А. Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева / Е.А. Коршунова. – Харьков: ФОРМ БРОВИН А.В., 2013. – 216 с.